

В ЗАСТОЛЬЕ ЛАРИСА ЦЕНИТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО КРАСОТУ И ИЗЫСКАННОСТЬ. ПОЭТОМУ ДАЖЕ ОБЕД НА ДАЧЕ ДОЛЖЕН В ИДЕАЛЕ ВЫГЛЯДЕТЬ ПРИМЕРНО ТАК

Они с Игорем спорят, кто мне откроет дверцу в машине, кто первый подаст руку. И это очень здорово: сколько бы я ни рассказывала сыну, как себя ведут мужчины и как нужно относиться к женщине, — все это в одно ухо влетает, в другое вылетает. Мальчик должен это видеть. Он должен видеть, что мужчина работает, содержит семью. Игорь уходит на работу рано утром и возвращается поздно вечером. И это тоже важнее всяких слов. Игорь научил его плавать, они вместе занимаются спортом, катаются на велосипедах. А еще Игорь не курит и не пьет. И ребенок... Ну, пусть хотя бы знает, что это необязательно, что мужчины способны быть мужчинами и без этого.

— В общем, жизнь в Москве сложилась совсем не так, как вы себе представляли?

— Это правда, я вообще себе не представляла, что такая жизнь бывает. С 18 лет я знала, что нужно зарабатывать, что у мамы нет зимних сапог, что нужно снять квартиру... И еще я бесконечно от кого-то оборонялась. Со страхом думала о завтрашнем дне. А сейчас я живу днем сегодняшним. И это, оказывается, так здорово! Я вообще открываю для себя такие простые вещи, о которых смешно, наверное, даже говорить. У меня появилось желание отдавать. Теперь я никого не разбуду утром, чтобы мне принесли воды, а встану сама. Меня впервые стало беспокоить, что человек может простудиться, если выходит на холод без шапки. В 20 лет я страдала манией величия, считала себя настолько шикарной. Видимо, просто залюбили в детстве. Ма-

ма, тетки, крестные — все уверяли, что я самая красивая, самая талантливая. Восторг окружающих был для меня нормой. А сама могла откровенно издеваться над людьми. Считала, что не любить меня просто невозможно.

— Вы жалеете о чем-то, сделанном в молодости?

— Я обижала людей. Мама говорила: «Уж ты как скажешь — как хлыстом по лицу». Однажды я снималась на «Ленфильме»... Только давайте изменим имена. Снималась вместе со своей подругой, очень хорошей питерской актрисой — допустим, N. И моя художник-гример вдруг как-то мне говорит: «Вот ты-то с N дружишь, а она про тебя такие гадости рассказывает, такие!» Мне стало так больно! И я подошла почти тут же к N и сказала: «Ах, я, значит, такая и сякая?! А твой Сережа тебе изменяет — с Наташкой! Ты знаешь об этом?»... Я никогда не видела такого лица. И поняла, что я только что своими руками убила человека. N развелась с мужем. Потом оказалось, что гример все наврала, хотя я-то как раз сказала правду. Мы и теперь дружим с N, мы давно все выяснили.

Но зачем тогда была нужна та правда... Опять банально, смешно, но зато искренне — я теперь стала влезать в шкуру человека, с которым общаюсь. И даже если мне кто-то хамит, я стараюсь понять, отчего это. Вероятно, оттого, что мне хорошо, а ему плохо. Я научилась жалеть.

— А если бы вы тогда, в 20 лет, знали то, что знаете сейчас, могла бы жизнь сложиться по-другому? Ваши браки...

— Конечно, у любого человека в таком возрасте своя предыстория. Но я не хочу об этом говорить. Поймите, Игорю причиняют боль упоминания о моем прошлом. И я... я шажу его. Это же нормально. А самое интересное, что и мне самой, которой всегда было наплевать на чужую прошлую жизнь, мне теперь... Теперь я безумно ревную Игоря к его прошлому. Ревность — правильное чувство. Сколько угодно можно изображать из себя светского человека, говорить, что каждый имеет право на свою жизнь. Но если ты любишь, тебе хочется обладать любимым человеком полностью, войти в его душу, в его сердце, в его сны — быть им. У нас с Игорем так.

— Лариса, вы так откровенно рассказываете о своем счастье... Мне, интервьюеру, впору радоваться, а даже как-то страшновато немного — сглазить не боитесь?

— Всегда дико боялась. Ребенку, когда он только родился, навешала на ручку всяких браслетиков с камнями-талисманами. А у нас во дворе жил священник. И как-то я встретила, гуляя с коляской, его жену. И она спросила: «А что это у ребенка на ручке?» Я объясняю, что вот, против сглаза. «А вы кре-

шенная?» — спросила она. — «Да». — «А ребеночек?» — «Да, конечно». — «А как же вы тогда можете призывать ему в помощь языческие силы? Только Бог дает, Бог и забирает»...

А еще раньше, когда умер мой первый муж, у меня были... проблемы, очень большие. Мне казалось, что откажись я от своей профессии, сиди постоянно рядом с ним, пожертвуй собой, он был бы жив. Я считала себя виновной в его смерти. Страдала до такой степени, что потребовались ви-

ЛАРИСА ГУЗЕЕВА: ЕСЛИ ТЫ ЛЮБИШЬ, ТЕБЕ ХОЧЕТСЯ ОБЛАДАТЬ ЛЮБИМЫМ ЧЕЛОВЕКОМ ПОЛНОСТЬЮ. ВОЙТИ В ЕГО ДУШУ, В ЕГО СЕРДЦЕ, В ЕГО СНЫ — БЫТЬ ИМ. У НАС С ИГОРЕМ ТАК

